

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ концѣ ноября, въ оттепель, часовъ въ девять утра, поѣздъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги на всѣхъ парахъ подходилъ къ Петербургу. Было такъ сыро и туманно, что насилу разсвѣло; въ десяти шагахъ, вправо и влѣво отъ дороги, трудно было разглядѣть хоть что-нибудь изъ оконъ вагона. Изъ пассажировъ были и возвращавшіеся изъ-за границы; но болѣе были наполнены отдѣленія для третьяго класса, и все людомъ мелкимъ и дѣловымъ, не изъ очень далека. Всѣ, какъ водится, устали, у всѣхъ отяжелѣли за ночь глаза, всѣ назяблись, всѣ лица были блѣдножелтыя, подъ цвѣтъ тумана.

Въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, съ разсвѣта, очутились другъ противъ друга, у самаго окна, два пассажира, — оба люди молодые, оба почти на-легкѣ, оба не щегольски одѣтые, оба съ довольно замѣчательными физіономіями, и оба пожелавшіе, наконецъ, войдти другъ съ другомъ въ разговоръ. Еслибъ они оба знали одинъ про другаго чѣмъ они особенно въ эту минуту замѣчательны, то, конечно, подивились бы, что случай такъ странно посадилъ ихъ другъ противъ друга въ третъеклассномъ вагонѣ Петербургско-Варшавскаго поѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ небольшого роста, лѣтъ двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, съ сѣрыми, маленькими, но огненными глазами. Носъ его былъ широкъ и сплюснуть, лицо скулистое; тонкія губы непрерывно складывались въ какую-то наглую, насмѣшливую и даже злую улыбку; но лобъ его былъ высокъ и хорошо сформированъ и скрашивалъ неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенно примѣтна была въ этомъ лицѣ его мертвая блѣдность, придававшая всей физіономіи молодого человѣка изможденный видъ, несмотря на довольно крѣпкое сложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то страстное, до страданія, не гармонировавшее съ нахальною и грубою улыбкой и съ рѣзкимъ, самодовольнымъ его взглядомъ. Онъ былъ тепло одѣтъ, въ широкій, мерлушечій, черный, крытый тулупъ, и за ночь не зябъ, тогда какъ сосѣдъ его принужденъ былъ вынести на своей издрогшей спинѣ всю сладость сырой, ноябрьской русской ночи, къ которой, очевидно, былъ не приготовленъ. На немъ былъ довольно широкій и толстый плащъ безъ рукавовъ и съ огромнымъ капюшономъ, точь-въ-

точь какъ употребляютъ часто дорожные, по зимамъ, гдѣ-нибудь далеко за границей, въ Швейцаріи, или, наприимѣръ, въ Сѣверной Италіи, не разчитывая, конечно, при этомъ и на такіе концы по дорогѣ, какъ отъ Эйдкунена до Петербурга. Но что годилось и вполне удовлетворяло въ Италіи, то оказалось не совсѣмъ пригоднымъ въ Россіи. Обладатель плаща съ капюшономъ былъ молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше средняго, очень бѣлокуръ, густоволосъ, со впалыми щеками и съ легонькою, востренькою, почти совершенно бѣлою бородкой. Глаза его были большіе, голубые и пристальные; во взглядѣ ихъ было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того страннаго выраженія, по которому нѣкоторые угадываютъ съ перваго взгляда въ субъектѣ падучую болѣзнь. Лицо молодого человѣка было, впрочемъ, пріятное, тонкое и сухое, но безцвѣтное, а теперь даже досиня изъяснее. Въ рукахъ его болтался тощій узелокъ изъ стараго, полинялаго фуляра, заключавшій, кажется, все его дорожное достояніе. На ногахъ его были толстоподошвенные башмаки съ штиблетами, — все не по-русски. Черноволосый сосѣдъ въ крытомъ тулупѣ все это разглядѣлъ, частію отъ нечего дѣлать, и, наконецъ, спросилъ съ тою неделикатною усмѣшкой, въ которой такъ безцеремонно и небрежно выражается иногда людское удовольствіе при неудачахъ ближняго:

— Зябка?

И повелъ плечами.

— Очень, отвѣтилъ сосѣдъ съ чрезвычайною готовностью, — и замѣтите, это еще оттепель. Что жъ, еслибы морозъ? Я даже не думалъ, что у насъ такъ холодно. Отвыкъ.

— Изъ-за границы что ль?

— Да, изъ Швейцаріи.

— Фью! Экъ вѣдь васъ!...

Черноволосый присвистнулъ и захохоталъ.

Завязался разговоръ. Готовность бѣлокураго молодого человѣка въ швейцарскомъ плащѣ отвѣчать на всѣ вопросы своего черномазаго сосѣда была удивительная и безъ всякаго подозрѣнія совершенной небрежности, неумѣстности и праздности иныхъ вопросовъ. Отвѣчая, онъ объявилъ между прочимъ, что дѣйствительно долго не былъ въ Россіи, слишкомъ четыре года, что отправленъ былъ за границу по болѣзни, по какой-то странной нервной болѣзни, въ родѣ падучей или Виттовой пляски, какихъ-то дрожаній и судорогъ. Слушая его, черномазый нѣсколько разъ

усмѣхался; особенно засмѣялся онъ, когда на вопросъ: «что же, выльчили?» — бѣлокурый отвѣчалъ, что «нѣтъ, не выльчили».

— Хе! Денегъ что, должно-быть, даромъ переплатили, а мы-то имъ здѣсь вѣримъ, язвительно замѣтилъ черномазый.

— Истинная правда! ввязался въ разговоръ одинъ сидѣвшій рядомъ и дурно одѣтый господинъ, нѣчто въ родѣ закорузлаго въ подъячествѣ чиновника, лѣтъ сорока, сильнаго сложенія, съ краснымъ носомъ и угреватымъ лицомъ: — истинная правда-съ, только всѣ русскія силы даромъ къ себѣ переводятъ!

— О, какъ вы въ моемъ случаѣ ошибаетесь, подхватилъ швейцарскій пациентъ, тихимъ и примиряющимъ голосомъ; — конечно, я спорить не могу, потому что всего не знаю, но мой докторъ мнѣ изъ своихъ послѣднихъ еще на дорогу сюда далъ, да два почти года тамъ на свой счетъ содержалъ.

— Что жъ, некому платить что ли было? спросилъ черномазый.

— Да, господинъ Павлицевъ, который меня тамъ содержалъ, два года назадъ померъ; я писалъ потомъ сюда генеральшѣ Епанчиной, моей дальней родственницѣ, но отвѣта не получилъ. Такъ съ тѣмъ и пріѣхалъ.

— Куда же пріѣхали-то?

— То-есть, гдѣ останавлиюсь?... Да не знаю еще, право.... такъ....

— Не рѣшились еще?

И оба слушателя снова захохотали.

— И небось въ этомъ узелкѣ вся ваша суть заключается? спросилъ черномазый.

— Объ закладѣ готовъ биться, что такъ, подхватилъ съ чрезвычайно довольнымъ видомъ красноносый чиновникъ, — и что дальнѣйшей поклажи въ багажныхъ вагонахъ не имѣется, хотя бѣдность и не порокъ, чего опять-таки нельзя не замѣтить.

Оказалось, что и это было такъ: бѣлокурый молодой человѣкъ тотчасъ же и съ необыкновенною поспѣшностью въ этомъ признался.

— Узелокъ вашъ все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе, продолжалъ чиновникъ, когда нахохотались до сыта (замѣчательно, что и самъ обладатель узелка началъ, наконецъ, смѣяться, глядя на нихъ, что увеличило ихъ веселость), — и хотя можно побиться, что въ немъ не заключается золотыхъ, заграничныхъ свертковъ съ наполеондорами и фридрихсдорами, ниже съ голландскими арабика-

ми, о чемъ можно еще заключить, хотя бы только по штиблетамъ, облекающимъ иностранные башмаки ваши, но.... если къ вашему узелку прибавить въ придачу такую будто бы родственницу, какъ, примѣрно, генеральша Епанчина, то и узелокъ приметъ нѣкоторое иное значеніе, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если генеральша Епанчина вамъ дѣйствительно родственница, и вы не ошибаетесь, по разсѣянности.... что очень и очень свойственно человѣку, ну хоть.... отъ излишка воображенія.

— О, вы угадали опять, подхватилъ бѣлокурый молодой человѣкъ, — вѣдь дѣйствительно почти ошибаюсь, то-есть, почти что не родственница; до того даже, что я, право, нисколько и не удивился тогда, что мнѣ туда не отвѣтили. Я такъ и ждалъ.

— Даромъ деньги на франкировку письма истратили. Гм.... по крайней мѣрѣ простодушны и искренны, а сіе похвально! Гм.... генерала же Епанчина знаемъ-съ, собственно потому, что человѣкъ общеизвѣстный; да и покойнаго господина Павлицева, который васъ въ Швейцаріи содержалъ, тоже знавали-съ, если только это былъ Николай Андреевичъ Павлицевъ, потому что ихъ два двоюродные брата. Другой доселѣ въ Крыму, а Николай Андреевичъ, покойникъ, былъ человѣкъ почтенный и при связяхъ, и четыре ты-сячи душъ въ свое время имѣли-съ....

— Точно такъ, его звали Николай Андреевичъ Павлицевъ, — и отвѣтивъ, молодой человѣкъ пристально и пытливо оглядѣлъ гос-подина всезнайку.

Эти господа всезнайки встрѣчаются иногда, даже довольно часто, въ извѣстномъ общественномъ слоѣ. Они все знаютъ, вся безпокойная пытливость ихъ ума и способности устремляются не-удержимо въ одну сторону, конечно, за отсутствіемъ болѣе важ-ныхъ жизненныхъ интересовъ и взглядовъ, какъ сказалъ бы совре-менный мыслитель. Подъ словомъ: «все знаютъ» нужно разумѣть, впрочемъ, область довольно ограниченную: гдѣ служить такой-то? съ кѣмъ онъ знакомъ, сколько у него состоянія, гдѣ былъ губерна-торомъ, на комъ женатъ, сколько взялъ за женой, кто ему двоюрод-нымъ братомъ приходится, кто троюроднымъ и т. д., и т. д., и все въ этомъ родѣ. Большею частію эти всезнайки ходятъ съ ободранными локтями и получаютъ по семнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Люди, о которыхъ они знаютъ всю подноготную, конечно, не при-думали бы, какіе интересы руководствуютъ ими, а между тѣмъ многіе изъ нихъ этимъ знаніемъ, равняющимся цѣлой наукъ, поло-жительно утѣшены, достигаютъ самоуваженія и даже высшаго ду-

ховнаго довольства. Да и наука соблазнительная. Я видалъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, обрѣтавшихъ и обрѣтшихъ въ этой же наукѣ свои высшія примиренія и цѣли, даже положительно только этимъ сдѣлавшихъ карьеру. Въ продолженіе всего этого разговора черномазый молодой человѣкъ зѣвалъ, смотрѣлъ безъ цѣли въ окно и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца путешествія. Онъ былъ какъ-то разсѣянъ, что-то очень разсѣянъ, чуть-ли не встревоженъ, даже становился какъ-то страненъ: иной разъ слушалъ и не слушалъ, глядѣлъ и не глядѣлъ, смѣялся и подчасъ самъ не зналъ и не помнилъ чему смѣялся.

— А позвольте, съ кѣмъ имѣю честь.... обратился вдругъ угреватый господинъ къ бѣлокурому молодому человѣку съ узелкомъ.

— Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, отвѣчалъ тотъ съ полною и немедленною готовностью.

— Князь Мышкинъ? Левъ Николаевичъ? Не знаю-съ. Такъ что даже и не слыхивалъ-съ, отвѣчалъ въ раздумьи чиновникъ, — то-есть, я не объ имени, имя историческое, въ Карамзина исторіи найти можно и должно, я объ лицѣ-съ, да и князей Мышкиныхъ ужъ что-то нигдѣ не встрѣчается, даже и слухъ затихъ-съ.

— О, еще бы! тотчасъ же отвѣтилъ князь: — князей Мышкиныхъ теперь и совѣмъ нѣтъ, кромѣ меня; мнѣ кажется, я послѣдній. А что касается до отцовъ и дѣдовъ, то они у насъ и одноворцами бывали. Отецъ мой былъ, впрочемъ, арміи подпоручикъ, изъ юнкеровъ. Да вотъ не знаю какимъ образомъ и генеральша Епанчина очутилась тоже изъ княженъ Мышкиныхъ, тоже послѣдняя въ своемъ родѣ....

— Хе-хе-хе! Послѣдняя въ своемъ родѣ! Хе-хе! Какъ это вы оборотили, захихикалъ чиновникъ.

Усмѣхнулся тоже и черномазый. Бѣлокурый нѣсколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочемъ, плохой каламбуръ.

— А представьте, я совѣмъ не думая сказалъ, пояснилъ онъ, наконецъ, въ удивленіи.

— Да ужъ понятно-съ, понятно-съ, весело поддакнулъ чиновникъ.

— А что вы, князь, и наукамъ тамъ обучались, у профессора-то? спросилъ вдругъ черномазый.

— Да.... учился....

— А я вотъ ничему никогда не обучался.

— Да вѣдь и я такъ кой-чему только, прибавилъ князь, чуть не въ извиненіе. — Меня по болѣзни не находили возможнымъ систематически учить.

— Рогожиныхъ знаете? быстро спросилъ черномазый.

— Нѣтъ, не знаю, совсѣмъ. Я вѣдь въ Россіи очень мало кого знаю. Это вы-то Рогожинъ?

— Да, я, Рогожинъ, Пароень.

— Пароень? Да ужъ это не тѣхъ ли самыхъ Рогожиныхъ.... началъ-было съ усиленною важностью чиновникъ.

— Да, тѣхъ, тѣхъ самыхъ, быстро и съ невѣжливымъ нетерпѣніемъ перебилъ его черномазый, который вовсе, впрочемъ, и не обращался ни разу къ угреватому чиновнику, а съ самаго начала говорилъ только одному князю.

— Да.... какже это? удивился до столбняка и чуть не выпучилъ глаза чиновникъ, у котораго все лицо тотчасъ же стало складываться во что-то благоговѣйное и подобострастное, даже испуганное: — это того самаго Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетнаго гражданина, что съ мѣсяцъ назадъ тому помре и два съ половиной милліона капиталу оставилъ?

— А ты откуда узналъ, что онъ два съ половиной милліона чистаго капиталу оставилъ? перебилъ черномазый, не удостоивая и въ этотъ разъ взглянуть на чиновника: — ишь вѣдь! (мигнулъ онъ на него князю) и что только имъ отъ этого толку, что они прихвостнями тотчасъ же лѣзутъ? А это правда, что вотъ родитель мой померъ, а я изъ Пскова черезъ мѣсяцъ чуть не безъ сапогъ домой ѣду. Ни братъ подлець, ни мать, ни денегъ, ни увѣдомленія, — ничего не прислали! Какъ собакѣ! Въ горячкѣ въ Псковѣ весь мѣсяцъ пролежалъ.

— А теперь милліончикъ слишкомъ разомъ получить приходится, и это по крайней мѣрѣ, о, Господи! всплеснулъ руками чиновникъ.

— Ну чего ему, скажите пожалуйста! раздражительно и злобно кивнулъ на него опять Рогожинъ: — вѣдь я тебѣ ни копѣйки не дамъ, хоть ты тутъ вверхъ ногами предо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да вѣдь не дамъ, не дамъ, хошь цѣлую недѣлю пляши!

— И не давай! Такъ мнѣ и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, дѣтей малыхъ брошу, а предъ тобой буду плясать. Польсти, польсти!

— Тѣфу тебя! сплюнулъ черномазый. — Пять недѣль назадъ я вотъ какъ и вы, обратился онъ къ князю, — съ однимъ узелкомъ отъ родителя во Псковъ убѣгъ, къ теткѣ; да въ горячкѣ тамъ и слегъ, а онъ безъ меня и помре. Кондрашка пришибъ. Вѣчная память покойнику, а чуть меня тогда до смерти не убилъ! Вѣрите ли, князь, вотъ ей-Богу! Не убѣги я тогда, какъ разъ бы убилъ.

— Вы его чѣмъ-нибудь разсердили? отозвался князь, съ нѣкоторымъ особеннымъ любопытствомъ разсматривая миллионера въ тулупѣ. Но хотя и могло быть нѣчто достопримѣчательное собственно въ миллионѣ и въ полученіи наслѣдства, князя удивило и заинтересовало и еще что-то другое; да и Рогожинъ самъ почему-то особенно охотно взялъ князя въ свои собесѣдники, хотя въ собесѣдничествѣ нуждался, казалось, болѣе механически, чѣмъ нравственно; какъ-то болѣе отъ разсѣянности чѣмъ отъ простосердечія; отъ тревоги, отъ волненія, чтобы только глядѣть на кого-нибудь и о чемъ-нибудь языкомъ колотить. Казалось, что онъ до сихъ поръ въ горячкѣ, и ужъ по крайней мѣрѣ въ лихорадкѣ. Что же касается до чиновника, такъ тотъ такъ и повисъ надъ Рогожинымъ, дыхнуть не смѣлъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, точно брилліанта искалъ.

— Разсердился-то онъ разсердился, да можетъ и стоило, отвѣчалъ Рогожинъ, — но меня пуще всего братъ доѣхалъ. Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четъи-Миней читаетъ, со старухами сидитъ, и что Сенька-братъ порѣшитъ, такъ тому и быть. А онъ что же мнѣ знать-то въ свое время не далъ? Понимаемъ-съ! Оно правда, я тогда безъ памяти былъ. Тоже, говорятъ, телеграмма была пущена. Да телеграмма-то къ теткѣ и приди. А она тамъ тридцатый годъ вдовствуетъ и все съ юродивыми сидитъ съ утра до ночи. Монашенка не монашенка, а еще пуще того. Телеграммы-то она испужалась, да не распечатывая въ часть и представила, такъ она тамъ и залегла до сихъ поръ. Только Коневъ, Василій Васильичъ, выручилъ, все отписалъ. Съ покрова парчеваго на гробъ родителя, ночью, братъ кисти литыя, золотыя, обрѣзалъ: «онѣ дескать звона какихъ денегъ стоятъ». Да вѣдь онъ за это одно въ Сибирь пойдти можетъ, если я захочу, потому оно есть святотатство. Эй ты, пугало гороховое! обратился онъ къ чиновнику. — Какъ по закону: святотатство?

— Святотатство! Святотатство! тотчасъ-же поддакнулъ чиновникъ.

— За это въ Сибирь?

— Въ Сибирь, въ Сибирь! Тотчасъ въ Сибирь!

— Они все думаютъ, что я еще боленъ, продолжалъ Рогожинъ князю, — а я, ни слова не говоря, потихоньку, еще больной, сѣлъ въ вагонъ, да и ѣду; отворяй ворота, братецъ Семень Семенычъ! Онъ родителю покойному на меня наговаривалъ, я знаю. А что я дѣйствительно чрезъ Настасью Филипповну тогда родителя раздражилъ, такъ это правда. Тутъ ужъ я одинъ. Попуталъ грѣхъ.

— Чрезъ Настасью Филипповну? подобострастно промолвилъ чиновникъ, какъ-бы что-то соображая.

— Да вѣдь не знаешь! крикнулъ на него въ нетерпѣннѣи Рогожинъ.

— Анъ и знаю! побѣдоносно отвѣчалъ чиновникъ.

— Эвона! Да мало ль Настасій Филипповнѣ! И какая ты наглая, я тебѣ скажу, тварь! Ну, вотъ такъ и зналъ, что какая-нибудь вотъ этакая тварь такъ тотчасъ же и повиснетъ! продолжалъ онъ князю.

— Анъ, можетъ, и знаю-съ! тормошился чиновникъ: — Лебедевъ знаетъ! Вы, ваша свѣтлость, меня укорять изволите, а что коли я докажу? Анъ, та самая Настасья Филипповна и есть, чрезъ которую вашъ родитель вамъ внушить пожелалъ калиновымъ посохомъ, а Настасья Филипповна есть Барашкова, такъ-сказать, даже знатная барыня, и тоже въ своемъ родѣ княжна, а знаетса съ нѣкимъ Тоцкимъ, съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, съ однимъ исключительно, помѣщикомъ и раскапиталистомъ, членомъ компаній и обществъ, и большую дружбу на этотъ счетъ съ генераломъ Епанчинымъ ведущіе....

— Эге, да ты вотъ что! дѣйствительно удивился наконецъ Рогожинъ; — тыфу чортъ, да вѣдь онъ и впрямь знаетъ.

— Все знаетъ! Лебедевъ все знаетъ! Я, ваша свѣтлость, и съ Лихачевымъ Алексашкой два мѣсяца ѣздилъ, и тоже послѣ смерти родителя, и всѣ, то-есть, всѣ углы и проулки знаю, и безъ Лебедева, дошло до того, что ни шагу. Нынѣ онъ въ долговомъ отдѣленіи присутствуетъ, а тогда и Армансъ, и Коралію, и княгиню Пацкую, и Настасью Филипповну имѣлъ случай узнать, да и много чего имѣлъ случай узнать.

— Настасью Филипповну? А развѣ она съ Лихачевымъ.... злобно посмотрѣлъ на него Рогожинъ, даже губы его поблѣднѣли и задрожали.

— Н-ничего! Н-н-ничего! Какъ есть ничего! спохватился и заторопился поскорѣе чиновникъ: — н-никакими, то-есть, деньгами

Лихачевъ доѣхать не могъ! Нѣтъ, это не то что Армансъ. Тутъ одинъ Тоцкій. Да вечеромъ въ Большомъ али во французскомъ театрѣ въ своей собственной ложѣ сидитъ. Офицеры тамъ мало ли что промежъ себя говорятъ, а и тѣ ничего не могутъ доказать: «вотъ дескать это есть та самая Настасья Филипповна», да и только; а насчетъ дальнѣйшаго — ничего! Потому что и нѣтъ ничего.

— Это вотъ все такъ и есть, мрачно и насупившись подтвердилъ Рогожинъ, — тоже мнѣ и Залужевъ тогда говорилъ. Я тогда, князь, въ третьегодняшней отцовской бекешѣ черезъ Невскій перебѣгалъ, а она изъ магазина выходитъ, въ карету садится. Такъ меня тутъ и прожгло. Встрѣчаю Залезева, тотъ не мнѣ чета, ходитъ какъ прикащикъ отъ парикмахера, и лорнетъ въ глазу, а мы у родителя въ смазныхъ сапогахъ, да на постныхъ щахъ отличались. Это, говоритъ, не тебѣ чета, это, говоритъ, княгиня, а зовутъ ее Настасьей Филипповной, фамиліей Барашкова, и живетъ съ Тоцкимъ, а Тоцкій отъ нея какъ отвязаться теперь не знаетъ, потому совѣмъ, то-есть, лѣтъ достигъ настоящихъ, пятидесяти пяти, и жениться на первѣйшей красавицѣ во всемъ Петербургѣ хочетъ. Тутъ онъ мнѣ и внушилъ, что сегодня же можешь Настасью Филипповну въ Большомъ театрѣ видѣть, въ балетѣ, въ ложѣ своей, въ бенуарѣ, будетъ сидѣть. У насъ, у родителя, попробуй-ка въ балетъ сходить, — одна расправа, убьетъ! Я однакоже на часъ втихомолку сбѣгалъ и Настасью Филипповну опять видѣлъ; всю ту ночь не спалъ. На утро покойникъ даетъ мнѣ два пятипроцентные билета, по пяти тысячъ каждый, сходи дескать да продай, да семь тысячъ пятьсотъ къ Андреевымъ на контору снеси, уплати, а остальную сдачу съ десяти тысячъ, не заходя никуда, мнѣ представь; буду тебя дожидаться. Билеты-то я продалъ, деньги взялъ, а къ Андреевымъ въ контору не заходилъ, а пошелъ никуда не глядя въ англійскій магазинъ, да на всѣ пару подвѣсокъ и выбралъ, по одному бриллиантику въ каждой, эдакъ почти какъ по орѣху будутъ, четыреста рублей долженъ остался, имя сказалъ, повѣрили. Съ подвѣсками я къ Залезеву: такъ и такъ, идемъ братъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Отправились. Что у меня тогда подъ ногами, что предо мною, что по бокамъ, ничего я этого не знаю и не помню. Прямо къ ней въ залу вошли, сама вышла къ намъ. Я, то-есть, тогда не сказался, что это я самый и есть; а «отъ Пароена дескать Рогожина», говоритъ Залезевъ, «вамъ въ память встрѣчи вчерашняго дня; соблаговолите принять». Раскрыла, взглянула, усмѣхнулась: «благодарите, говоритъ, вашего друга господина Рогожина за его лю-

безное вниманіе», откланялась и ушла. Ну, вотъ зачѣмъ я тутъ не померъ тогда же! Да если и пошелъ, такъ потому что думалъ: «все равно, живой не вернусь!» А обиднѣ всего мнѣ то показалось, что этотъ бестія Залежевъ все на себя присвоилъ. Я и ростомъ малъ, и одѣтъ какъ холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно, а онъ по всей модѣ, въ помадѣ и завитой, румяный, галстухъ клѣтчатый, — такъ и разсыпается, такъ и расшаркивается, и ужъ навѣрно она его тутъ вмѣсто меня приняла! «Ну, говорю, какъ мы вышли, ты у меня теперь тутъ не смѣй и подумать, понимаешь!» Смѣется: «а вотъ какъ-то ты теперь Семену Парѣенчу отчетъ отдавать будешь?» Я, правда, хотѣлъ было тогда же въ воду, домой не заходя, да думаю: «вѣдь ужъ все равно», и какъ окаанный воротился домой.

— Эхъ! Ухъ! кривился чиновникъ, и даже дрожь его пробирала: — а вѣдь покойникъ не то что за десять тысячъ, а за десять цѣлковыхъ на тотъ свѣтъ сживывалъ, кивнулъ онъ князю. Князь съ любопытствомъ разсматривалъ Рогожина; казалось, тотъ былъ еще блѣднѣе въ эту минуту.

— Сживывалъ! переговорилъ Рогожинъ: — ты что знаешь? Тотчасъ, продолжалъ онъ князю, — про все узналъ, да и Залежевъ каждому встрѣчному пошелъ болтать. Взялъ меня родитель, и наверху заперъ, и цѣлый часъ поучалъ. «Это я только, говорить, предуготовляю тебя, а вотъ я съ тобой еще на ночь попрощаться зайду». Что жъ ты думаешь? Поѣхалъ сѣдой къ Настасѣ Филипповнѣ, земно ей кланялся, умолялъ и плакалъ; вынесла она ему наконецъ коробку, шваркнула: «Вотъ, говорить, тебѣ, старая борода, твои серьги, а онъ мнѣ теперь въ десять разъ дороже цѣной, коли изподъ такой грозы ихъ Парѣень добывалъ. Кланяйся, говорить, и благодари Парѣена Семеныча.» Ну, а я этой порой, по матушкину благословенію, у Сережки Протушина двадцать рублей досталъ, да во Псковъ по машинѣ и отправился, да пріѣхалъ-то въ лихорадкѣ; меня тамъ святыми зачитывать старухи принялись, а я пьянъ сижу, да пошелъ потомъ по кабакамъ на послѣднія, да въ безчувствіи всю ночь на улицѣ и провалялся, анъ къ утру горячка, а тѣмъ временемъ за ночь еще собаки обгрызли. На силу очнулся.

— Ну-съ, ну-съ, теперь запоешь у насъ Настасья Филипповна! потирая руки хихикалъ чиновникъ: — теперь, сударь, что подвѣски! Теперь мы такіа подвѣски вознаградимъ....

— А то, что если ты хоть разъ про Настасью Филипповну какое слово молвишь, то вотъ тебѣ Богъ, тебя высѣку, даромъ что ты